

ПИСЬМО К ПИСАТЕЛЮ

Пусть свет негаснувших планет
по нашей комнате блуждает,
и мой вопрос, и твой ответ
на целый век не совпадает.
На луч, как бусинку, надень
неумирающее слово.
И будет ночь. И будет день.
И ночь. И все начнется снова...

Юрий Карабчиевский

(14 октября 1938 – 30 июля 1992)

Сегодня 14 октября 2008 года. Дорогой друг, тебе сегодня 70 лет. С какой радостью я поздравил бы тебя! Но тебя уже нет. Тебя больше нет на свете с той самой, душевной июльской ночи, когда ты уснул, проглотив смертельную дозу барбитурата.

Мы никогда не виделись. Только один раз мы разговаривали по телефону, из двух стран, из разных миров. Это было время, когда сюда, в Германию, была тайно доставлена фотокопия рукописи «Воскресение Маяковского». Книга была опубликована, мы, изгнанники, удостоились высокой чести стать твоими первыми издателями. Полузабытый, почти лишившийся читателей певец революции благодаря тебе в самом деле воскрес. Книга вызвала горячие споры, ею возмущались и восхищались. Так случилось, что твоё творчество эмигрировало на Запад. Немного позже я получил два других манускрипта – романы «Жизнь Александра Зильбера» и «Незабвенный Мишуня» – для хранения, ведь в нашем отечестве рукописи не только сгорали, но, прежде чем превратиться в золу, служили уликой худшего из преступлений – отстаиванья свободы. К счастью, тебе удалось избежать ареста.

Некогда Роберт Музиль писал об «онтологическом парадоксе»: писателю, для того, чтобы жить, нужно умереть. Сегодня тебя чествуют и на родине. Русскому писателю твоего ранга нужно умереть, чтобы стать по достоинству оценённым. Сегодня я думаю о том, что сказал бы ты, как бы ты себя чувствовал, если бы дожил до своего 70-летия.

Твоё интервью уральскому журналу стало твоим последним выступлением; но и оно было опубликовано лишь через шесть лет после твоей смерти. Ты говорил о том, что предпочитаешь литературу как разговор с читателем – литературе как изделию. Для меня, сказал ты, при всём моём внимании и любви к слову, это лишь средство. Писатель в России не имеет права замыкаться в себе, творчество не может быть самоцелью. Оно обращено к читателю, оно представляет собой свободный, поверх всех барьеров, разговор с той многоликой и молчаливой, теряющейся в тумане и вместе с тем близкой толпой, которую называли Читателем. Ты убеждал себя, что такой читатель в самом деле существует, что литература ему нужна; эта вера, возвышенная и наивная, удерживала тебя в России. Чего, однако, она не сумела, так это удержать тебя от самоубийства.

Что ж! Ты в самом деле обрёл читателей – пусть их будет совсем немного. Это «немного» стоит многого. Это знак избранности. Ты остался с ними, поселился в их памяти. Память – это наш способ противостоять смертоносному времени.

Борис Хазанов